

В чем общий смысл этого закона? Аканье – это неразличение гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных. Конкретным результатом этого фонетического закона может быть произношение: *вада, вэда, вы^эда, вад'е, вадой* и пр. В более позднее время при активном переходе окальщиков к литературному аканью они стали произносить предударное [а] среднего подъема, прикрытое [а] может быть и у носителей акающих диалектов. И только кодифицированная литературная норма требует в первом предударном слоге произносить очень открытое [а], то есть литературное аканье не есть простое проявление фонетического закона, а есть выбор из многих акающих возможностей русского языка.

Но я полагаю, что нет выбора в настоящее время и в произношении *мою* [с'], *мой* [с' а], хотя здесь нет и проявления фонетического закона.

Мы привыкли считать оглушение шумных звонких перед глухими и на конце слова перед паузой – фонетическим законом. Такое же положение и с озвончением шумных глухих перед звонкими. Но ведь нет же озвончения шумных глухих перед шумными звонкими [в], [в'], хотя их происхождение из сонантов относится к древнейшей эпохе, во всяком случае – до падения редуцированных.

Вряд ли соответствует фонетическому закону утвердившееся у многих носителей русского литературного языка произношение [сълага] – [салох], [пирага] – [пирох] и под.; или произношение *сельхо* [сб]анк, произношение [меж]- и [меш] – во многих словах (см. с. 238, 239 словаря). Пожалуй, здесь нельзя не отметить, что теоретической проблемой фонетических законов больше занимаются специалисты по сравнительно-

историческому языкознанию XX века, по истории праславянского и древних славянских языков, чем лингвисты, изучающие русский язык нового времени. Есть немало теоретических проблем, которые не привлекали внимания исследователей современного русского языка, интерес к ряду проблем оборвался с переходом к новому историческому времени, иногда исследователи слишком захвачены новыми проблемами, исследование которых возможно именно на материале новых языков и т.п.

Возвращаясь к вопросу о соотношении фонетики и орфоэпии, хотела бы подчеркнуть, что это общая область знаний, имеющая дело с фонетическими законами (их надо еще изучать), асинхронностью фонетических законов и фонетических моделей словоформ, что и создает лингвистическую базу произносительных вариантов и проблему их выбора, вопросы фонетики и тому подобное.

4. Не всегда понятны аргументы авторов, по которым одни устаревшие нормы они оставляют, предоставляя здесь слово, очевидно, стилистам, например: *вска* [къ]вать, *креп* [къ]й и нек. др., о других же даже не упоминают, например: [шы^эгат'], *два* [шы^эга], [в'ер'х], хотя эти произносительные варианты используются не только в художественной речи. В речи многих предшественников старшего поколения москвичей только эти нормы и используются. Очевидно, еще рано с ними расставаться.

Закончить рецензию хочу словами благодарности авторам. Словарь – очень нужное пособие для всех, кто интересуется русским языком. Словарь заставляет думать и задумываться.

К.В. Горшкова

Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen/Hrsgb. von H. Jachnow. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 1999. 1336 S.

Ученые труды очень давно стали делом многоликого сообщества (Respublica litteraria), не знающего государственных или национальных границ. Приятно отметить, тем не менее, что формы научного труда сохраняют определенные национальные традиции, поддерживая то разнообразие, которое обеспечивает диалогичность научного знания. В немецкой научной традиции к таким формам относится создание фундаментальных "настоющих книг" по самым разным отраслям знания, книг, настолько

прочно отождествляемых с немецкой наукой, что в ученой беседе, на каком бы языке она ни велась, они так и именуются "хандбухами". В прошедшем году наши немецкие коллеги порадовали научное сообщество очередным изданием обширного (почти полторы тысячи страниц) и фундаментального компендиума, посвященного русистике. [Такие издания позволяют взглянуть на нашу дисциплину как бы со стороны, охватив одним взглядом ее целостное развитие и результирующее состояние.]

Единый взгляд, впрочем, остается здесь утратившей свой первоначальный смысл метафорой, поскольку прошло то время, когда компендиумы составлялись одним лицом и запечатлевали его видение дисциплины, его общую концепцию и границы его эрудиции. Повествователь, создающий современные компендиумы, это гоголевский составной персонаж, обнаруживающий и достоинства и недостатки своей составной природы. Компендиум в этих условиях по необходимости приобретает характер справочника, устроенного по тематическому принципу. Единой концепции такое устройство не предполагает, и в случае рецензируемой книги такой концепции не просматривается.

Неслучайно, почти треть книги посвящена слабо концептуализированному **обзору литературы**, причем не всей литературы по русистике, но исключительно "der sowjetischen/russischen Sprachwissenschaft". В чем состоит принципиальный смысл такого выделения, остается неясным, поскольку непонятно, в каком отношении "советское/русское языкознание" представляет собой отдельную область, отличную, скажем, от языкознания американского или итальянского. Отчасти, видимо, это подразделение воспроизводит, как это ни грустно, дискурсивную схему советской науки, утвердившуюся в период борьбы с космополитизмом в 1940-х годах, когда стандартным оборотом научной речи оказались выражения "в советских и зарубежных исследованиях" или ему подобные. Отчасти же, надо думать, авторы рецензируемой книги исходили из практических соображений. Такое выделение дает возможность ограничиться обзором, не задаваясь вопросом о том, как та или иная проблема стоит в современном языкознании вообще, каковы новые параметры лингвистической мысли, указывающие на недостаточность существующих знаний и вместе с тем конституирующие область уже узанного, поддающегося обзору и классификации. Вместе с тем и начинающий немецкий русист получает пособие, которое позволяет ему или ей разобраться в многочисленных и нередко труднодоступных работах, изданных по-русски, аккуратно организовав библиографическую часть своего собственного исследования (в немецкой традиции все еще остающуюся основным свидетельством профессионализма). Такой имплицитный выбор адресата придает, однако же, всему изданию определенный налет провинциализма.

Указанная обзорная часть включает такие главы, как "Советская модель языка и

ее развитие" (Д. Вайс), "Советские и русские семантические концепции" (К. Хартенштайн), "Понятие языковых изменений в России, СССР и странах СНГ" (П. Коста), "Исследовательские подходы в русистике в области фонетики: методы, фонотеки, банки данных" (Х. Саппок), "История языкознания в России, СССР и славянских странах СНГ" (Х. Яхнов), "Грамматики русского языка в XX столетии" (М. Вингендер), "Исследователи, занимающиеся научной русистикой" (К. Гудшмидт), "Социолнгвистика в СССР и России – история, эмпирические исследования и теория" (Х. Яхнов), "Психолнгвистика в России" (Х. Саппок), "Распространение русского языка как иностранного" (Б. Брандт), "Описание поэтического языка в русистике" (Р. Грюбель), "Советские и русские семиотические концепции" (П. Гжибек). Как видно из этого перечисления, разные главы написаны в разном формате и в совокупности они дают хотя и достаточно подробную, но никак не исчерпывающую картину того, что было сделано в русистике на том пространстве, которое авторы книги обозначают то как СССР, то как Россию, то как Россию в сочетании с разными (славянскими или не только славянскими) странами СНГ.

Достаточно разнообразен формат и основной части компендиума. Это естественное следствие отсутствия жесткой концепции описания языка, которая могла бы объединить отдельные главы. Авторы работают в рамках традиционных (структуралистских) представлений о языке, оставляя в стороне генеративные модели языка или опыты когнитивного подхода к языку. Это скорее достоинство, поскольку делает книгу доступной и полезной для читателя вне зависимости от того, к какой из школ современного языкознания он примыкает. Вполне традиционно и распределение языкового материала, напоминающее об общепринятом университетском преподавании русистских дисциплин. Основной раздел занимает **описание структуры стандартного варианта русского языка**, который рассматривается как нечто заданное и легко отделимое от его других вариантов – вне зависимости от того, о каком уровне языка идет речь. То, что не укладывается в описание языкового стандарта, рассматривается в следующем разделе – **"Территориальная, функциональная и социальная вариативность в русском языке"**.

Распределение достаточно условно и вряд ли опирается на ясно продуманные теоретические основания. Так, скажем, в

первом разделе находим главу "Russische Sprache und Sexus", которая имеет дело с социальными параметрами языкового стандарта и в этом плане захватывает проблематику, рассматриваемую во втором разделе. В то же время во второй раздел, в котором в отдельных главах описывается "Диалектология" (Т. Бергер), "Субстандартные разновидности" (Д. Маршк), "Норма и культура речи" (А. Кретчмер), "Функциональная стилистика" (И. Онхайзер), включена и особая глава о разговорной речи ("Umgangssprache" – У. Хинрихс), которая тем самым выводится за рамки языкового стандарта, что вряд ли правомерно и не может не обусловить определенного сужения перспективы при рассмотрении синтаксиса и семантики. Семантика, кстати, не фигурирует как отдельная глава в структурном описании стандарта, будучи распылена по главам, посвященным грамматическим категориям, лексикологии, фразеологии и синтаксису. Такое решение отнюдь не кажется беспорочным.

Не менее условна и организация **диахронической** части компендиума, составляющей его третий раздел "Историческая вариативность русского языка". Он состоит из трех глав – "Внутренняя история русского языка" (Н. Борецки), "История русского литературного языка" (Х. Кайперт) и "Об исторических и новейших языковых контактах в русском языке" (Х. Хаарманн). Такое распределение материала исходит из представления, аналогичного тому, которое уже отмечалось в синхронической части, а именно из представления о том, что существует структурный костяк языкового стандарта, который может быть описан в отвлечении от различных типов вариативности, и некоторое количество языковых разновидностей, требующих отдельного описания. Проецируясь на историю, это представление и порождает деление на внутреннюю историю структурного костяка (своего рода не книжного стандарта), с одной стороны, и описание истории литературного языка как отдельного идиома (разновидности). Вариативность внутри самого структурного костяка не предусматривается, и поэтому из рассмотрения полностью выпадает историческая лингвогеография, хотя именно с ней связаны многие впечатляющие достижения последних лет (работы А.А. Зализняка, Х. Андерсена, У. Вермеера).

Отдельный раздел компендиума отводится **русскому языку в "multinationalen und multilingualen Kontext"**. Сюда собрано то, что не относится ни к внутренним сторонам

языкового стандарта, ни к языковым разновидностям. Это, по существу, внешняя история современного стандартного языка, однако удачное наименование раздела освобождает авторов от необходимости точно определить границу между внутренней и внешней историей. Раздел приобретает характер своего рода довеска и распадается на две взаимосвязанные главы: "Советская и русская языковая политика" (Б. Комри) и "Аспекты многоязычия в Советском Союзе и возникших на его месте государствах" (Х. Хаарманн).

Как можно видеть, компендиум охватывает самые разные стороны изучения русского языка, и эта комплексность охвата относится к его существенным достижениям. Эта комплексность, однако, не основана на какой-либо единой концепции языка, и это делает задачу рецензентов достаточно трудной – оценивать приходится не достоинства теории, а характер изложения материала в каждой из отдельных глав. Одни из них более удачны, другие обнаруживают существенные недостатки. Обсудить их все не представляется возможным – рецензия превратилась бы в целую брошюру. Рецензенты поэтому и не ставили перед собою такой задачи, ограничившись лишь выборочным рассмотрением преимущественно тех глав, которые посвящены проблематике, специально занимающей рецензентов. Мы надеемся, однако, что и такое избирательное обозрение позволит читателю составить представление об этом важном издании.

Очерк **внутренней истории русского языка** (того, что в русской традиции принято называть исторической грамматикой) написан безнадежно неумелой рукой. Концептуальной основой для автора этого очерка, Н. Борецкого, служит натуральная фонология и теория грамматикализации. Автор не устает указывать, что то или иное рассматриваемое им изменение (скажем, падение редуцированных) хорошо описывается как устранение маркированных членов или, если речь идет о грамматике, как пример грамматикализации, однако эти нехитрые заключения не сообщают никакой новой информации, не приносят никаких свежих интерпретаций. Возможно, им и не место в этом очень кратком очерке, однако в своем стремлении сократить и упростить Н. Борецкий сплошь и рядом искажает и путает, опуская при этом принципиально важную информацию, которая должна присутствовать даже в самом сжатом изложении. Так, скажем, автор посвящает несколько строк

рассуждению о том, что развитие аканья является натуральным процессом в языках с динамическим ударением (с. 695), но не находит нужным сообщить читателю хотя бы самые элементарные сведения об исторической акцентологии (имеем в виду даже не устройство акцентных парадигм, а самый факт того, что просодическая система в восточнославянских диалектах не всегда основывалась на динамическом ударении).

Историческая фонетика изложена путано и необщедоступно. Всему фонетическому развитию автор приписывает безудержное стремление к пятифонемному вокализму, сопровождаемому становлением корреляции по мягкости у согласных. Если забыть о диалектном многообразии, магистральную линию развития можно определить и таким образом, однако при утверждении этой телеологической схемы отдельные процессы должны все же получать адекватное описание. То, что мы находим в рецензируемом очерке, производит странное впечатление. Так, говоря о падении редуцированных, автор замечает, ссылаясь на В. Кипарского, что первыми — около 950 г. — пали конечные редуцированные, а затем через двести лет остальные. То, что падение началось с конечных редуцированных, сейчас кажется бесспорным, однако доступные нам данные, прежде всего берестяные грамоты (поразительным образом, автор к этим данным нигде не обращается и, видимо, просто с соответствующим материалом не знаком), не дают никаких оснований ни для подобной хронологии, ни для столь существенного дистанцирования двух этапов этого процесса. Новгородские данные, хорошо известные по работам А.А. Зализняка, однозначно указывают, что процесс протекал с конца (или с середины) XI в. до конца XII в., и ничто не побуждает думать, что в других восточнославянских ареалах хронология была существенно отличной. В чем состоял процесс падения и проявления редуцированных, Н. Борецки не разъясняет, т.е. никак не упоминает закон Гавлика, относя его к числу "деталей", которые читатель найдет, обратившись к книге В. Кипарского.

Такого рода непрофессионализм замечен повсеместно. Например, описывая судьбу /ѣ/ (с. 603–694), автор говорит, что в севернорусских говорах совпали /ѣ/ и /и/, и относит этот процесс к XI–XII вв. (процесс определен неточно, слишком ранняя датировка противоречит новгородским данным), а в остальных говорах совпали /ѣ/ и /е/, причем уже в XI в.; даже если датируется самое начало процесса и лишь для смолен-

ских или полоцких говоров, дата является слишком ранней. При столь ранней датировке, которой у автора означен переход к вожаденной пятифонемной системе гласных, неизбежно должны возникнуть трудности в изложении позднейших процессов, например, развития противопоставления открытого и закрытого /о/. Понятно, что об этом противопоставлении Н. Борецки вообще не упоминает. Постулированное автором ускоренное становление пятифонемного вокализма приводит его к абсурдному заключению, что развитие аканья "als Ausgangspunkt das 5-Vokal-System hat" (с. 694): как при такой трактовке можно описать типы диссимилятивного аканья, остается неясным, поскольку у нем автор не упоминает ни словом. Не лучше обстоит дело и с описанием становления корреляции палатализованных и непалатализованных согласных. Автор отмечает (с. 691), что некоторые ученые (Г. Лант, А.В. Исаченко) полагают, что эта корреляция возникает в результате падения редуцированных, однако своего мнения по этому поводу не высказывает; в то же время в таблице, фиксирующей систему согласных до установления этой корреляции, даются пары /г, г'; л, л'; п, п'/, т.е. палатальные сонорные трактуются как палатализованные. Хаотичность возникающего в результате построения никак не комментируется.

Морфология и синтаксис описаны немногим лучше фонетики. Автор и здесь уделяет много внимания "натуральности", перечисляя, например, какие изменения именных флексий ведут к возрастанию иконизма в словоизменении, а какие не ведут (с. 714). Существенная информация при этом оказывается опущенной. Не упомянут, например, такой важнейший процесс, как отпадение конечных безударных гласных словоформы, когда конечная гласная не является отдельным морфом [Зализняк 1992: 297]. Запутанно и несистематично описано исчезновение дуалиса, которое, согласно автору, начинается в XIII в. (это верно), но продолжается еще и в XV в. (такая датировка показывает, что автор и не понимает сущности процесса и не в состоянии адекватно интерпретировать данные текстов XV–XVI вв., сохраняющие формы дуалиса в определенных категориях имен); неясно описано возникновение счетной формы, которую автор без всяких оговорок идентифицирует с род. ед. (с. 700). Вводя вполне оправданное разделение истории категорий и истории форм, автор к числу грамматических категорий относит противопоставление энклитических и неэнклитических

местоимений (с. 703); грамматическое содержание этой категории остается, понятным образом, не описанным. Говоря о становлении категории одушевленности, автор указывает, когда эта категория начинает выражаться в формах мн. числа (предлагаемая датировка дискуссионна), но оставляет читателя в неведении относительно хронологии этого процесса в ед. числе (с. 702). Не слишком убедительно и описание развития глагольных категорий, например, эволюции перфекта (не учтены важные работы Э. Кленин [Klenin 1993]) или развития вида. Изменения в синтаксисе описаны фрагментарно, но что указывает сам автор и в чем его вряд ли можно упрекнуть, учитывая состояние исследований в этой области. Однако ни отбор фрагментов, ни качество изложения не изменяют общего впечатления о работе, составившегося при чтении ее фонетической и морфологической частей.

Очерк истории литературного языка, написанный Х. Кайпертом, выглядит, к счастью, неизмеримо более профессионально. [Автор начинает с определения литературного языка, следуя здесь пражской традиции. Литературный язык должен обладать полифункциональностью, средствами функциональной (стилистической) дифференциации, кодифицированностью и общеобязательностью. Имея в виду эту дефиницию, Х. Кайперт выделяет четыре различные подхода к построению истории литературного языка: как к истории текстов, как к истории языковой нормы, как к истории восприятия проблем литературного языка и, наконец, как к истории становления тех атрибутов, которые определяют литературный язык. Сам автор следует последнему подходу и именно на нем основывает построение своего очерка. Такой выбор обуславливает преимущественное внимание к XVIII–XX вв., когда приобретение названных выше качеств становится движущим фактором в динамике языка русской письменности. Более ранний период при подобном подходе можно было бы рассматривать как предысторию русского литературного языка, как это и предлагал в свое время А.В. Исаченко [Issatschenko 1974]; Х. Кайперт обходится, впрочем, без подобных радикальных утверждений.

Обсуждая становление полифункциональности, автор особо останавливается на соотношении русского и церковнославянского, поскольку по крайней мере до середины XVIII в. идиомы, употребляемые в различных сферах функционирования языка, традиционно характеризуются как церковнославянский, или русский, или тот

или иной гибрид двух этих языков. Изложив различные взгляды на эту проблему, равно как и на связанный с нею вопрос о так называемом "происхождении" русского литературного языка (точки зрения А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, теорию диглоссии и ее критические оценки), Х. Кайперт не занимает какой-либо из известных позиций, а указывает, что при целостном анализе оригинальных текстов понятия русского и церковнославянского остаются недостаточно "angemessener und dennoch praktikabler" (с. 743).

Далее автор переходит к описанию того, какое развитие получали языковые средства в различных функциональных сферах. Выделяется двенадцать таких сфер: религия и церковь; управление и право; военное дело; дипломатия; ремесло и техника; наука; беллетристика; театр и декламация; публицистика; публичная речь; частные записи; разговорное употребление. Автор обсуждает вопрос о том, когда получает развитие каждая из этих сфер и указывает основные вехи их истории. Понятно, что история разных сфер в разной степени богата событиями; весьма различна и степень изученности относящейся к разным функциональным сферам письменности. В силу этого обзору свойственна определенная неравномерность, которая, впрочем, не мешает автору создать достаточно убедительную общую картину динамики полифункциональности. Возникающая при таком подходе принципиальная проблема относится скорее к области культурологии, нежели собственно лингвистики. Имеем в виду вопрос о том, насколько четко выделялись те или иные сферы в культурном сознании носителей на разных этапах развития языка, как членилось ими пространство письменности (ср. об этой проблеме для древнейшего периода [Marti 1989]) и к какой реинтерпретации существующей письменности и реорганизации соответствующих риторических моделей приводило осознание автономности той или иной функциональной сферы (например, выделение беллетристики или переосмысление летописания как части светской историографии).

Следующий раздел очерка посвящен возникновению и развитию кодификации языковой нормы. Автор пишет о становлении языкового самосознания, в рамках которого нарождалась потребность в фиксации нормы русского языка, отмечая первые проявления этого самосознания уже в XV в. и прослеживая его динамику в XVI–XVIII вв. В XVIII в. появляются институты, деятельность которых связана с языковым норми-

рованием, начиная с Российского собрания при Академии наук и кончая Институтом русского языка РАН. В этом контексте Х. Кайперт рассматривает и историю языкового пуризма в России. Понятно, что в рамках краткого очерка отбор упоминаемых фактов всегда остается спорным, так что предъявлять претензии к автору здесь достаточно сложно; нам представляется, однако, что пуризм последнего сталинского десятилетия вряд ли может быть обойден вниманием (в рецензируемой работе о нем ничего не сказано). Отдельно рассматривается история нормативных грамматик русского языка и нормативных словарей. И в этом случае отдельные опущения не кажутся вполне оправданными; например, автор сразу же переходит от грамматики М.В. Ломоносова к грамматике А.Х. Востокова; на наш взгляд, Академическая грамматика 1802 г. заслуживала бы хотя бы кратко упоминания.

К наиболее интересным разделам очерка относится часть, посвященная становлению общероботательности языкового стандарта. Эта тема остается в русистике очень мало разработанной, в то время как ее важность представляется очевидной. Историю литературного языка нового времени невозможно написать, не представляя себе, каков был круг пользователей этого языка, как и когда он начал утрачивать свою элитарность, как воспринимался этот язык большинством населения, остававшимся к этому языку во многом непричастным. Х. Кайперт высказывает интересные соображения о территориальной экспансии единой нормы (как в средневековье, так и в новое время), равно как и о социальном распространении грамотности. Приводимые автором данные о проценте неграмотных в России XIX в. нуждаются, видимо, в переосмыслении, поскольку, например, традиционная церковнославянская грамотность могла как грамотность не рассматриваться и при обследовании населения не учитываться (см. об этом новую работу А.Г. Кравецкого [Кравецкий 1999]). Не кажется вполне обоснованным и взгляд Х. Кайперта на свидетельство новгородских берестяных грамот, которые, по его мнению, говорят лишь о грамотности в Новгороде, но не во всей Киевской Руси (с. 768); по новгородским берестяным грамотам можно судить, конечно, только о грамотности городского населения, для населения сельского они явно не репрезентативны; однако нет оснований думать, что ситуация в Новгороде принципиально отличалась от ситуации в других крупных центрах Киевской Руси

(автору стоило бы учесть соображения, высказанные в свое время С. Франклином [Franklin 1985]). Несколько абзацев Х. Кайперт посвящает истории обучения русскому языку, имеющему, понятно, основное значение для утверждения языкового стандарта; автор справедливо отмечает досадное отсутствие обобщающих исследований по этой теме; из частных штудий можно было бы, однако, учесть работы Г. Маркера [Marker 1990; 1994].

Очерк, несомненно, дает хорошее представление об основных моментах истории русского литературного языка. Перспектива, в которой излагаются факты этой истории, является для русистики достаточно новой, и это придает очерку дополнительный интерес. Вместе с тем предлагаемый автором подход обнаруживает существенные лакуны в наших знаниях по многим затрагиваемым вопросам (например, касающимся социолингвистических параметров истории языка). Здесь автор не суммирует существующие исследования – в силу их отсутствия, – а излагает собственные соображения, порой дискуссионные. Можно сказать, таким образом, что очерк Х. Кайперта, подводя итоги изучению истории русского литературного языка в последние десятилетия, содержит вместе с тем программу будущих исследований, в которых проблемы, вызывавшие многолетние споры, могли бы быть поставлены и решены принципиально новым образом.

Обратимся к некоторым разделам рецензируемой книги, касающимся **современного** состояния русского языка и дающим обзор соответствующих лингвистических исследований.

Раздел "Словообразование" написан Й. Рэке. Й. Рэке – автор известной монографии, посвященной русскому словосложению [Räcke 1972]. Рецензируемый раздел является продолжением и дополнением написанного им же раздела "Словообразование", опубликованного в [HR 1984]. В начале раздела автор указывает, что исходит из теории словообразования, основанной на взглядах М. Докулила (1962) и Э. Косериу (1977). Термин "словообразование" используется традиционно – для названия определенной области русского языка и соответствующей лингвистической дисциплины.

Характеристике словообразовательной теории автор предпосылает краткий очерк русского словообразования (с. 155–168), построенный как рассмотрение трех различных классов лексических единиц: Модификация, Транспозиция, Мутация (по Докулилу) или Модификация, Расширение

(Erweiterung), Композиция (по Косериу). Этот очерк дает достаточно полное представление о русском словообразовании. Автор приводит производные слова разных частей речи названных трех классов, пометая непродуктивные и единичные (например: *барчук, птенец*). Отмечу, что в ряде случаев суффикс выделен неверно, например: *-ерия* в *пионерия* (с. 156). Это слово образовано от *пионер* (а не от *пион*) и, следовательно, содержит "обычный" суффикс *-ия*. Автор, к тому же, дает этот суффикс еще и в виде *-ья* (с примером *братья*). Единица *братья*, однако, – это форма множ. ч. от *брат*, а не существительное с собирательным значением (аналогично: *лист* – *листья*). Собирательным является производное *братия* (в современных словарях характеризуется как *церк. или иронич.*). Добавим, что представлять морфемы в чисто орфографическом облики, используя мягкий знак (*ь*), т.е. изображать суффикс *-j-* как *-ье* (например, *-ье: сырье*, с. 165), на наш взгляд, некорректно, так как это затемняет представление о структуре слова. Отмечу, что в России принято даже в средней школе строго разграничивать звуки и буквы и учить детей, что данный суффикс содержит звук *j* (йот).

В очерке теории словообразования, по нашему мнению, наиболее интересен пункт 3.3. Непонятно, однако, почему автор – вопреки тому, что им сказано в начале раздела, – озаглавливает его не *Mutation* (по Докулилу) или *Erweiterung* (по Косериу), как он сам обещал, а "*prolexematische Komposition*". Этот термин неудачен. Среди русистов он не принят совсем и даже неизвестен. Среди германистов он, насколько нам известно, тоже не употребляется. Внутренняя форма этого термина вводит читателя в заблуждение, ибо этим термином Й. Рэке называет не сложные слова (так обычно используют термин "компози́ты"), а аффиксальные производные разного рода (*учитель, ученик, малыш, добряк, садовник, брюхан* и т.д.), которые принято называть – вслед за М. Докулилом – термином "мута́ция" или "мутационное словообразование". Рэке, правда, приводит и термин *Mutation*, но лишь как дополнительный, вторичный, в скобках.

Классифицируя материал, автор использует такие обозначения, как "*prolexematisches*" субъект, объект и обозначение места, считая, что в русском языке этими тремя разновидностями исчерпываются словообразовательные средства. С послед-

ним нельзя согласиться, так как в русском языке значение инструмента имеет свой, закреплённый за ним показатель *-ак(а)*. *Точилка, открывалка* и многие другие слова обозначают 'то, чем точат, открывают...', а не 'тот, кто точит, открывает...'. Этот словообразовательный тип высокопродуктивен в разговорном языке [РРР-81; Земская 1992].

Разграничение существительных по признаку субъект – объект проводится непосредственно. Так, автор, объединяя как имена субъекта наименования **активных** действующих **лиц** (*учитель, гуляка* и под.), действующих **предметов** (*мизалка, точило, резак, будильник* и др.) и **лиц пассивных**, подвергающихся воздействию (*ученик*), считает, видимо, признаки активности / пассивности и **лицо / предмет** несущественными для словообразовательной классификации. Вместе с тем некоторые наименования пассивных лиц он относит к категории **объектов** (*приемыш*, с. 165), тогда как другие – к категории **субъектов** (*баловень*, с. 165, 'тот, кого балуют').

Отметим некоторые неправильности и неточности. Слово *стрельбище* отнесено к производным от имен существительных (с. 166), хотя оно явно произведено от глагола *стрелять*; в качестве отсубстантивных слов этого типа можно назвать *пожарище, кострище*. Если же соотносить слово *стрельбище* с отглагольным существительным *стрельба*, то в нем следовало бы выделять суффикс *-ище*, а не *-бище*, как делает автор. Слова *тряскалка, подгребе* (с. 165) – крайне редкие. По-видимому, среди примеров рациональнее не давать редко употребляемых, малораспространенных слов, кроме тех случаев, когда они демонстрируют какие-либо важные, но малочастотные языковые явления. Слова типа *забегаловка* (с. 165) обозначают место, а не субъект действия.

Пункт 5 "Zur Klassifikation 'sekundärer' Einheiten in Derivatsform" содержит детальное описание **комплексных**, как принято в русистике называть их, единиц словообразования. Автор избирает здесь (в отличие от пунктов 3 и 4) чисто формальный способ изображения словообразовательных структур и описывает эти способы почти совсем без примеров. На три страницы текста дано лишь несколько иллюстраций в виде реальных слов. Такой способ изложения, несомненно, экономит место, но очень затрудняет читателя.

Проблематика теории словообразования, разрабатываемая в русистике, отражена в

разделе достаточно полно. Тем не менее, считаем важным назвать некоторые проблемы, рассмотрение которых (или хотя бы краткое упоминание о которых) сделало бы представление о современной теории словообразования, разрабатываемой в русистике, более адекватным.

1. В русском языкознании на протяжении десятилетий дискутировался так называемый "вопрос о *буженине* и *стеклярусе*", иными словами о том, считать ли производными слова с "дефектным" корнем и/или "дефектным" аффиксом (полемика Г.О. Винокура — А.И. Смирницкого). Ответ на этот вопрос был дан в 60-е годы учеными, предложившими устанавливать разные степени членимости слова [Панов 1968: 214–217; Панов 1975]. Был сделан вывод о необходимости разграничивать понятия производности и членимости слова [Земская 1966]. С этой точки зрения, все производные слова признаются членяемыми, но не все членяемые — производными (например, *буженина*, *малина*, *радуга*, *стеклярус*). Интересные наблюдения над разной степенью членимости слова даны в Rammelteuer 1988].

2. Изучение семантики производного слова позволило русистам глубоко и всесторонне исследовать явление, получившее название "фразеологичность (или: идиоматичность) семантики производного слова". Этим термином называют наличие в **лексической** семантике производного слова элементов, не находящихся выражения в его морфемном составе. М.В. Панов блестяще показал это явление, анализируя сходные по морфемному составу, но резко различные по лексическому значению слова: *утренник* (утренний спектакль), *вечерник* (студент вечерного отделения), *дневник* (тетрадь для ежедневных записей), *ночник* (светильник), *зимник* (зимний путь) [Панов 1956]. Еще несколько примеров. Слово *электричка* называет электропоезд, но не *бритву*, *чайник* и т.д.; слово *громкоговоритель* — радио, а не громкоговорящего человека. Ср. также разницу в **лексической** семантике слов *писатель*, *писец*, *писака*; *бегун*, *беглец*, имеющих единое **словообразовательное** значение (производитель действия). В последние годы проблема фразеологичности семантики активно разрабатывалась и углублялась (намечена типология семантических наращений, установлены классы слов, для которых характерна фразеологичность семантики, и т.д.) — см., например [Ермакова 1984].

3. Важное общетеоретическое значение имеет вопрос о том, какое место занимает словообразование в лингвистической модели языка. Вопрос этот сложен и до сих пор не получил ответа. Он рассматривается не только в славистике.

Американская лингвистика не отводит словообразованию особого места в модели языка, растворяя его в лексике. Знаменательно движение научной мысли в подходе к этой проблеме. Так, И.А. Мельчук в первоначальных вариантах своей теории "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст" [Мельчук 1974] вообще не включал словообразовательный компонент в модель языка. Однако в статье [Мельчук 1990] он уже принимает другое решение, разделив словообразование на две области: 1) как делаются слова и 2) как сделаны готовые слова. Первую область (словообразование-1) он вводит в свою модель. Этот шаг разумен, но, на наш взгляд, недостаточен, так как в модель попадают лишь немногочисленные и, так сказать, самые тривиальные явления, а за бортом модели остается многое, что несомненно реализует деятельностный механизм языка, но при этом представляет большие сложности для изучения. Несколько шагов по пути разрешения этой проблемы сделано в работах [Кронгауз 1994; 1999].

4. Конец XX в. породил в русском языке невиданную активность словообразования. Активные словообразовательные процессы последних десятилетий XX в. выявляют точки роста в системе русского словообразования и способствуют более глубокой разработке вопросов теории (изменения в структуре слова, рост аналитизма и др.). Эта проблематика изучалась во многих работах, например: [Костомаров 1994; Дуличенко 1994; РЯ 1996: 90–141; Земская 1997].

Автор раздела "Лексикология" Э. Гюнтер вначале дает очерк развития лексикологии русского языка, упоминая работы исследователей XIX в. — А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, Я.К. Грота — и основополагающие для лексикологических штудий XX в. труды В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Д.Н. Шмелева и нек. др.

В следующем параграфе обсуждается предмет лексикологии, что, на наш взгляд, было бы более уместно в исследовании теоретического характера, а не обзоре развития русистики за последние десятилетия. При всей теоретико-лингвистической значимости обсуждения вечного вопроса "Что такое слово?" (см. в связи с этим ссылки на работы В.Г. Гака, Н.М. Шанского, М.И. Фоминой; сам подбор этих имен оставляет

впечатление случайности), не споры на эту достаточно схоластическую тему в первую очередь характеризуют развитие русской лексикологии в конце XX в. Между тем, проблема слова продолжает обсуждаться и в следующем параграфе.

В параграфе "Способы расширения словарного состава" Э. Гюнтер обращается к исследованиям, в которых рассматриваются такие хорошо известные пути пополнения словаря, как словообразование, развитие у слов новых значений, конверсия; особо выделено образование номинаций, состоящих из более чем одного слова (типа *телефон-автомат*, *детский сад*, *научно-исследовательский институт*), а также фразеологизованных оборотов типа *оказать помощь*, *совершить путешествие*, что, как кажется, должно быть предметом рассмотрения в разделе "Фразеология" (или, может быть, "Синтаксис", если анализировать подобные единицы как словосочетания).

Среди способов пополнения словаря не упомянуто заимствование иноязычной лексики — вероятно, по недосмотру, так как в конце этого параграфа автор хотя и бегло, но все же рассматривает проблему заимствования и адаптации русским языком иноязычных слов, указывая на преобладание в современных заимствованиях англо-американской лексики (приводятся примеры подобных заимствований: *митинг*, *компьютер*, *телевизор*).

Проблемы словообразования (как одного из путей пополнения словарного состава русского языка) обсуждаются в другом разделе книги (1.7), к которому и делает отсылку Э. Гюнтер, сосредоточивая свое внимание на исследованиях, посвященных развитию у слов вторичных значений. Эта проблема рассматривается на примерах типа *море ржи*, *море добродушного веселья* (в значении слова *море* в таком употреблении устраняется смысловой компонент 'вода' и делается акцент на компонентах 'большое количество' и 'большое пространство'), *утихнуть* 'перестать светить' и 'умереть', *фарфор* — материал и изделие из этого материала и нек. др.

Вызывает удивление отсутствие ссылок в этом параграфе на имена Ю.Д. Апресяна, Д.Н. Шмелева и других исследователей, чьи работы явились определенным шагом вперед в изучении проблемы многозначности слова (ср., например, понятие регулярной многозначности, введенное Ю.Д. Апресяном и проиллюстрированное им на русском лексическом материале [Апресян 1974]). В целом то, что написано здесь о проблемах

полисемии, возвращает читателя во времена, когда в лексической семантике господствовал компонентный анализ и не было даже намека на такое средство описания семантики слова (и, одновременно, инструмент, позволяющий разграничивать разные его значения), как полное, синтаксически упорядоченное толкование, имеющее определенную структуру, которая отражает структурную организацию лексического значения слова, где могут быть выделены ассертивная часть, пресуппозиция, модальная рамка.

Под конверсией Э. Гюнтер понимает переход слов из одной части речи в другую, главным образом — субстантивацию прилагательных (*учительская*, *ванная*). Заметим, что термин "конверсия" в таком его понимании (в отличие от конверсии в лексике: *вмещать* — *входить*, *проигрывать* — *выигрывать*, *за* — *перед* и т.п.) не характерен для русской лингвистической традиции; не случайно здесь нет ни одной ссылки на работы русских языковедов, в которых встречалось бы такое понимание этого термина.

От способов пополнения словаря автор переходит к проблеме системных отношений в лексике (§ 5). Эта проблема рассматривается на примере соотношения полисемии и омонимии, и из того, что говорится здесь об этом соотношении, неясно, каким образом проявляется в полисемии и омонимии именно такое свойство лексики, как ее системность. Несомненно, большее отношение к системной организации словаря имеют синонимические и антонимические отношения между словами; они рассматриваются в пунктах 5.2 и 5.3 с опорой на книгу Ю.Д. Апресяна "Лексическая семантика" и на анализ материала "Словаря синонимов" под ред. А.П. Евгеньевой, а также на работы Л.А. Новикова и Д.Н. Шмелева. Здесь же было бы уместно рассмотреть и конверсивы, которые также являются свидетельством системных отношений между лексическими значениями, однако конверсивы упомянуты автором лишь в связи с антонимами типа *въехать* — *выехать*, *дать* — *взять*.

В § 6 "Тематическое разнообразие словаря" Э. Гюнтер вначале указывает на множество терминов, используемых в теории лексического поля: *лексико-семантическая категория*, *семантическое*, *понятийное*, *ассоциативное поле*, *лексико-семантическая*, *тематическая группа*, *sprachliches Feld*, *Wortfeld* и др. (даны ссылки на работы, в которых фигурируют эти термины, —

Г.С. Шура, Э.В. Кузнецовой, П.Н. Денисова, Л.М. Васильева, Ю.Н. Караулова и др.). Затем тематические группировки анализируются на нескольких примерах типа *двигаться, бежать, ехать, лететь; канал, река, ручей*, и сам этот анализ оставляет впечатление, во-первых, поверхностности, во-вторых, безотносительности к процессам, протекающим в лексике современного русского языка, и, в-третьих, несвязанности с работами русистов, выполненными в последние десятилетия (в тексте этого пункта имеется всего лишь одна ссылка на явно вторичную работу 1986 года).

Явления семантического и понятийного полей обсуждаются с привлечением уже упомянутых работ Л.М. Васильева и Э.В. Кузнецовой, а также О.С. Баранова, В.В. Морковкина, ассоциативные поля – с опорой на в значительной степени устаревшие работы А.А. Леонтьева, но, к сожалению, без ссылок на результаты изучения ассоциативных полей, воплощенные в словарях, – например, в "Русском ассоциативном словаре" Ю.Н. Караулова и др., который, при его явной уязвимости для критики, представляет собой определенный срез языковой картины мира, характерной для современных носителей русского языка.

В целом раздел "Лексикология", как кажется, недостаточно отражает современный уровень исследований в области русистики. Он в значительной степени "повернут в прошлое" как по характеру обсуждения центральных для лексикологии проблем, так и по учету работ, в которых эти проблемы изучаются.

В тематически близком к этому разделу очерке современной русской **лексикографии** его автор О. Мюллер привлек к обзору весьма широкий круг источников – как словарей разного типа, так и работ по теории и практике составления словарей: список словарей насчитывает более 100 наименований, а список работ по проблемам лексикографии – около сотни.

Раздел состоит из шести параграфов и списка литературы. Сначала автор останавливается на определении основных понятий лексикографии и на типах словарей, выделяемых в русской лексикографической традиции: толковых, исторических, переводных, словарей академического типа и словарей-справочников, общих и специальных, учебных и др. (имеются ссылки на соответствующие работы русистов, в которых обобщаются и развиваются принципы составления каждого типа словарей).

Далее идет обзор толковых словарей –

академических, начиная со словаря Академии Российской 1789–1794 гг. и кончая семнадцатитомным и четырехтомным, Словаря В.И. Даля, однотомных словарей С.И. Ожегова и В.В. и Л.Е. Лопатиных. Здесь же даются образцы словарных статей в толковом словаре как жанре лексикографической продукции. О. Мюллер цитирует теоретические положения авторов словарей, касающиеся задач того или иного словаря, способов подачи лексикографической информации, структуры словарной статьи, систем грамматических и стилистических помет и т.п.

Помимо "общих" словарей, автор характеризует и словари специальные (*Spezialwörterbücher*), под которыми он имеет в виду лексикографические издания, содержащие какой-либо один вид лингвистической информации (в русистике такие словари иногда называют аспектными или профильными): словари орфографические, орфоэпические, грамматические, словари языковых трудностей, иностранных слов, неологизмов, фразеологические, словари сокращений.

Отдельный параграф посвящен словарям, представляющим парадигматические связи между словами: синонимическим (обзор начинается с упоминания словаря П. Калайдовича, 1818 г., и кончается "Новым объяснительным словарем синонимов" под рук. Ю.Д. Апресяна, 1997 г., первый выпуск), антонимическим [традиция составления таких словарей в русистике намного короче, чем традиция составления словарей синонимов; автор называет словари Л.А. Введенской (1971), Н.П. Колесникова (1971), М.Р. Львова (1978 и 1996)], словарям омонимов (здесь назван словарь О.С. Ахмановой, 1974 и 1996), паронимов, словарям словообразовательным (по-немецки они названы автором как словари [морфологической] структуры слова – *Wortstrukturwörterbücher*), обратным словарям (каждый из этих типов представлен наиболее известными изданиями).

Далее (§ 4) дается обзор словарей нелитературной лексики – разговорной речи и просторечия (наиболее известен словарь З. Кестер-Тома "Die Lexik der russischen Umgangssprache", изданный в 1996 г., который и указан здесь автором обзора), жаргонной лексики и мата (число изданий такого рода в 80–90-е гг. особенно велико), диалектных словарей. Заметим, что сведения о последних даны весьма скупо, в то время как в современной русской лексикографии имеется несколько десятков словарей диалектной лексики, различающихся

по задачам, по типу сообщаемой информации, структуре словарной статьи и т.п.: ср. так называемые дифференциальные и полные словари, однодиалектные и многодиалектные, синхронные и диахронные и др.

Завершается раздел "Лексикография" обзором исторических и этимологических словарей. Здесь указаны "Материалы для словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского, "Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.", "Словарь русского языка XI–XVII вв.", "Словарь русского языка XVIII в.", этимологические словари А. Преображенского, М. Фасмера, "Историко-этимологический словарь" П.Я. Черных. Однако этот обзор настолько лапидарен – всего чуть более двух десятков строк, – что в нем не нашли отражения принципы составления словарей рассматриваемого вида, различия между ними в характере и объеме лингвистической информации, содержащейся в их словарных статьях, подбор иллюстративного материала и т.п.

Подытоживая анализ раздела "Лексикография", надо сказать, что он в целом верно и достаточно полно представляет лексикографические издания различного типа, существующие в современной русистике, однако почти ничего не говорится здесь о **теоретических** разработках в области лексикографии (ср., например, концепцию "Нового объяснительного словаря синонимов русского языка" Ю.Д. Апресяна, роль в этой концепции так называемого интегрального – то есть единого для словаря и грамматики – подхода, понятие лексикографического портрета и конкретные образцы таких портретов и т.п. – см. [Апресян 1995]).

Раздел "Разговорная речь" (Umgangssprache; автор У. Хинрикс) начинается с части, озаглавленной «К понятию "разговорный язык"». Автор перечисляет четыре объекта, к которым может применяться этот термин. Предельно кратко эти объекты автор характеризует так:

а) устная речь;
б) языковое образование, которое используется в повседневном общении, в спонтанном разговоре (социолингвистический вариант). В русской традиции этот объект называют термином "повседневная речь";

с) подсистема языка, имеющая специфическую структуру и лингвистически описываемая (системно-лингвистический вариант);

д) специфический функциональный стиль (стилистический вариант).

Как пишет У. Хинрикс, русский разговорный язык (РЯ) в его интерпретации Москов-

ской школой Земской относится к типу с) с некоторыми добавлениями из типов а) и б) (с. 590).

Во второй части раздела автор затрагивает истоки учения о РЯ (Б.А. Ларин, Л.П. Якубинский, Н.Ю. Шведова, наиболее подробно останавливаясь на исследованиях Московской группы Института русского языка (Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, Г.А. Барина, Е.В. Красильникова, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Е.Н. Ширяев и позднее включившаяся в эту работу М.Я. Гловинская), упоминает Саратовскую школу (О.Б. Сироткина и ее ученики), Горьковскую школу (Ю.М. Скребнев) и позднейшие исследования, например: [Koester-Thoma, Zemskaja 1995].

К числу наиболее интересных и наименее разработанных вопросов относятся два. Первый – отношение литературного разговорного языка и просторечия. Этому вопросу посвящены наши публикации, не вошедшие в богатую библиографию раздела: [Земская 1990; 1991].

Второй вопрос, требующий тщательного изучения, базирующегося на большом фактическом материале, – это вопрос о генезисе разговорного языка (РЯ), о времени его возникновения. Этот вопрос особенно сложен, так как РЯ обнаруживается преимущественно в устной форме. Мы можем непосредственно наблюдать его лишь в современности (не позднее, чем появились магнитофонные и другие виды фиксации устной речи). Звучащая речь прошлых веков до нас не дошла. Устная форма речи предшествует письменной, и, следовательно, разговорные языки – явление глубокой древности. Встает вопрос: когда возникают РЯ как особые формации? Когда возникают те особенности РЯ, которые отличают их в настоящее время? Изучать пути и время формирования РЯ можно лишь ретроспективным методом, выявляя особенности тех жанров письменности прошлых веков, которые характеризуются экстралингвистическими признаками, присущими РЯ (неофициальность, неподготовленность, непосредственность). Это – частная переписка, записки, дневники, мемуары. Анализ таких материалов показывает значительное сходство между подобными текстами и современным РЯ, особенно в области синтаксиса, например, в порядке слов, см. [Лаптева 1963; Кручинина 1974; 1976; Глинкина 1979; 1986; Ярин 1986; Земская 1988].

Эта точка зрения, которую У. Хинрикс именует "Kontinuitäts-These" (с. 592), противопоставлена "sowjetische Hypothese", представленной в работах М.В. Панова [Панов

1990: 19, 93]. Он рассматривает РЯ в качестве специфического феномена, развившегося в советское время как реакция на шаблонизацию языка, как противовес казенщине и стилистическому единообразию; см. также [Lehfeldt 1991].

Мы думаем, что эти два мнения не исключают, а дополняют друг друга. Чисто структурные особенности, наблюдаемые и в современном РЯ, и в прошлые века (например, частая постпозиция согласованных местоимений, непроективный порядок слов, препозиция глагольного объекта и мн. др.), не связаны с советским строем. Они объясняются устной формой существования РЯ, его неподготовленностью, спонтанностью, неофициальным характером. С другой стороны, многие особенности современного РЯ, относящиеся прежде всего к области лексики и фразеологии, могут действительно быть реакцией на трафаретность, шаблонность, "засушенность" языка советской эпохи, породившего то явление, которое называют термином "новояз" (англ. *newspeak*, польск. *nowomowa*).

В третьей части раздела автор сопоставляет различные мнения о РЯ. Согласно одному из них, РЯ трактуется как особая **языковая система**, существующая в пределах единого русского литературного языка наравне с кодифицированным литературным языком (КЛЯ), что порождает особый вид диглоссии у носителей литературного языка. Этот подход к изучению РЯ разрабатывает Московская школа. Не имея возможности в краткой рецензии аргументировать эту точку зрения, укажем лишь на то, что термин "разговорный язык" не только отвечает системному статусу изучаемого объекта, но и коррелирует с терминами, применяемыми к другим языкам (ср., например, нем. *Umgangssprache* – русск. **разговорный язык**).

Согласно другой точке зрения, следует говорить не о разговорном языке (РЯ), а о разговорной **речи** (РР), которая не имеет черт, противопоставляющих ее КЛЯ в качестве особой языковой системы. Этой точки зрения придерживаются О.Б. Сиротинина, Т.Г. Винокур, О.А. Лаптева, У. Хинрикс и некоторые другие исследователи.

Четвертая – самая объемная часть раздела (с. 596–609) – составляет конкретное описание русского РЯ, базирующееся в основном на материалах Московской школы исследователей. Оно включает такие части:

- 1) Фонетика и фонология, сегментные и суперсегментные единицы;

- 2) Морфология – существительное, прилагательное, глагол, прочие части речи (отмечается специфическое употребление предлогов, например: *Эта квартира хороша на без детей*);
- 3) Синтаксис – здесь особое внимание уделяется порядку слов, чертам аналитизма, обнаруживаемым в явлениях парадигматики (с. 604–606) и связанным с прагматикой (с. 604);
- 4) Словообразование существительных и прилагательных.

Разговорная лексика не рассматривается – автор отсылает читателя к работам З. Кёстер-Тома.

К сожалению, автор не затрагивает такую важную для характеристики сущности РЯ проблематику, как невербальные средства коммуникации (жест, мимика) и широкое распространение языковой игры.

Заканчивая раздел, автор называет задачи, стоящие перед исследователями РЯ:

- 1) Описание русского РЯ как самостоятельной системы, имеющей свои языковые единицы и развивающейся.
- 2) Сравнение русского РЯ с другими славянскими разговорными языками с целью создания сопоставительной грамматики разговорных языков, противопоставленной сопоставительной грамматике книжно-литературных славянских языков.
- 3) Объяснение отличий РЯ от КЛЯ в рамках когнитивных моделей изучения языка.

Отметим богатство библиографии, заключающей раздел. Лакуны немногочисленны. Они связаны прежде всего с проблематикой, касающейся генезиса РЯ, – см. названные выше работы О.А. Лаптевой, И.Н. Кручининой, Л.А. Глинкиной, А.Я. Ярина, Е.А. Земской.

Особое – и весьма значительное по объему – место в рецензируемой книге отведено анализу смежных с русистикой лингвистических дисциплин и состояния их разработки в современной России. В соответствии с объявленным в начале нашей рецензии принципом – рассмотреть лишь те части *Handbuch'a*, которые близки профессиональным интересам рецензентов, – обратимся к разделу, посвященному **социолингвистике**.

Написанный одним из ведущих немецких специалистов в области социолингвистики Хельмутом Яхновом, этот раздел достаточно полно и всесторонне освещает картину развития и современного состояния социолингвистических исследований в СССР

и в России. Обзору этих исследований предшествует краткий очерк западноевропейской и американской социолингвистики, а также статуса, целей, методов и основных понятий этой науки (§ 1). Здесь (п. 1.1) Х. Яхнов отмечает характерный для лингвистики XX в. интерес к социальному аспекту изучения языка, внимание к этому аспекту таких представителей немецкой социальной диалектологии, как Ф. Маурер и Х. Науман, французской лингво-социологической школы (А. Мейе и его последователей), усиление тенденции к регулярным, систематическим контактам лингвистов и социологов, что способствует лучшему пониманию не только роли общества в развитии и функционировании языка, но и роли языка в социальных процессах и институтах.

Автор обзора констатирует, что особенно заметная активизация социолингвистических исследований начинается с 60-х гг. XX в., когда подвергается пересмотру ряд теоретических положений господствовавшей в то время генеративной лингвистики, которая, по мнению социолингвистов, представляет язык не в реальном его функционировании, а в "очищенном", идеальном виде, без учета социальных, ситуативных и прагматических факторов. Х. Яхнов указывает на плодотворность социолингвистического подхода при решении проблем практического использования языка (в частности, он указывает на манипулятивную функцию языка в политических процессах), проблем языковой политики и школьного образования (в связи с последним подчеркивается популярность в 60–70-х гг. так называемой теории языкового дефицита английского психолога Б. Бернстайна) и др.

Пункты 1.3 – 1.6 посвящены статусу социолингвистики среди других лингвистических дисциплин, целям этой науки, используемым в ней методам и теоретическим установкам, а также ее "рабочим понятиям" (*Arbeitsbegriffe*) и категориям – таким, как *коммуникативная компетенция*, *речевой акт*, *регистр*, *языковой барьер*, *разработанный ограниченный (языковой) код*, *диглоссия*, *речевое сообщество* (*speech community*) и др.

При несомненной важности всех этих "материй" для понимания того, чем занимается социолингвистика, в отличие от "чистой" лингвистики (тем более, что Х. Яхнов в своем изложении опирается на новейшие, главным образом американские и немецкие, публикации в этой области), – было бы естественно полагать их на исходе 20 века уже хорошо известными читателю-

лингвисту, который ждет от данного обзора (в соответствии с названием всей рецензируемой книги) информации о русско-й социолингвистике.

В следующем параграфе Х. Яхнов и приступает к характеристике истории советской социолингвистики, в развитии которой, начиная с 20-х годов, преобладал, естественно, марксистский подход. Вместе с тем, результатом исследовательского внимания лингвистов к тем изменениям, которые происходили в русском языке после революции, явился ряд работ, содержавших конкретные, "неидеологизированные" наблюдения над этими изменениями (работы А.П. Баранникова, А.М. Селищева и др.). Х. Яхнов справедливо подчеркивает выдающуюся роль Е.Д. Поливанова в развитии "социологической лингвистики", а также значимость трудов М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.М. Жирмунского, Б.А. Ларина, Л.П. Якубинского для укрепления позиций этого направления лингвистических исследований.

Рассматривая факторы, обусловившие интенсификацию социолингвистических исследований в русистике 60-х – начала 70-х гг., Х. Яхнов обращает внимание на то обстоятельство, что советская наука о языке, в 20–40-е годы противопоставлявшая себя западной лингвистике как буржуазной, в этот период устанавливает более или менее регулярные связи с различными направлениями лингвистических исследований в других странах. В значительной степени это относится и к социолингвистике. Кроме того, "реабилитация" властью конкретных социологических исследований, произошедшая в 80-е годы, отразилась и на социолингвистических штудиях, в которых наряду с макропроцессами (преимущественное внимание к ним было свойственно ортодоксальной советской социолингвистике – см., например, работы Ю.Д. Дешериева) начинают изучаться и социально обусловленные явления, характерные для малых социальных групп.

Для теоретического обоснования позиций социолингвистики среди других социолингвистических дисциплин, отмечает Х. Яхнов, в 70–80-х годах видную роль сыграли работы В.А. Звегинцева, А.Д. Швейцера, Л.Б. Никольского и других исследователей. Примечательной особенностью развития советской социолингвистики в последней трети XX века является ее отход от умозрительных концепций, достаточно характерных для 20–30-х гг., и ориентированность на эмпирические исследования. В связи с этим Х. Яхнов упоминает ряд

работ, основанных на массовом социолингвистическом материале, и прежде всего четырехтомную монографию "Русский язык и советское общество", выполненную под руководством М.В. Панова. Однако роль самого М.В. Панова как идеолога конкретных социолингвистических исследований в русистике оценена автором обзора, на наш взгляд, недостаточно. Не упомянута и его блестящая монография об истории русского литературного произношения (см. [Панов 1990]), демонстрирующая плодотворность социолингвистического анализа при изучении исторических изменений в языке, а также при создании так называемых "фонетических портретов" деятелей прошлого.

В 5-м параграфе Х. Яхнов кратко характеризует основные направления советской социолингвистики, а затем (§ 6) привлекает внимание читателя к тому, как воспринимались в СССР идеи и концепции западной социолингвистики. Хотя в 70-е годы становятся известными в переводе на русский язык многие работы У. Лабова, Д. Хаймса, Ч. Фергюсона, Дж. Гамперца, С. Эрвин-Трипп и других американских исследователей (см., в частности, 7-й выпуск "Нового в лингвистике", 1975), несколько позднее — книги Р. Белла "Социолингвистика" (1980), — многие представители советской науки о языке критикуют западных и американских авторов за "внеклассовый" подход к изучению социальной обусловленности языковых явлений, за гипертрафированное внимание к исследованию речевого поведения человека в малых социальных группах (и, напротив, пренебрежение к макропроцессам, происходящим в больших языковых коллективах). В заключение этого параграфа Х. Яхнов высказывает мнение, что и в годы Перестройки и после нее западные социолингвистические идеи воспринимаются в России неохотно.

7-й параграф посвящен анализу понятийного аппарата, используемого советской социолингвистикой, 8-й — методам и теориям, которые в ней применяются. В частности, здесь подчеркнуто разделение методов на две группы — методы сбора социолингвистического материала и методы анализа социолингвистических данных. В теоретических же установках советских исследователей официально декларируется подход с марксистско-ленинских позиций (приводится весьма выразительная цитата из "установочной" статьи Ф.П. Филина — с. 1168, а также дается характеристика с этой точки зрения некоторых работ В.З. Панфилова, В.Д. Бондалетова, А.Д. Швейцера,

В.М. Русановского), хотя в конкретных исследованиях, содержащих наблюдения над современным русским языком, этот подход может не отражаться — как, например, в монографиях "Русский язык и советское общество", 1968, "Русский язык по данным массового обследования", 1974, в сборнике "Социально-лингвистические исследования", 1976, под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева, для которого У. Лабов специально написал статью под названием "Единство социолингвистики".

9-й параграф называется "Русская социолингвистика после Перестройки". В нем проблемы, характерные для состояния социолингвистики в России конца XX века, рассматриваются в следующих рубриках: "Отражение Перестройки в социолингвистике", "Теория и метод", "До сих пор игнорировавшиеся субварианты русского языка", "Лексикографическая фиксация субстандартов и языковых инноваций", "Язык города", "Тоталитарный язык", "Язык перестройки", "Проблема многоязычия и многонациональности [Multiethnizität]", "Необходима хрестоматия русской социолингвистики".

Не имея возможности в данной рецензии подробно останавливаться на каждой из этих рубрик, укажем лишь на то, что в постперестроечное время, по мнению Х. Яхнова, происходит деидеологизация социолингвистической теории (во всяком случае, отход ее от марксистско-ленинских догм) и снятие табу с тем, при изучении которых наиболее плодотворен именно социолингвистический подход (как, например, при изучении разного рода некодифицированных, субстандартных языковых образований — просторечия, жаргонов, ненормативной лексики и т.п.). Вместе с тем, автор обзора отмечает рецидивы прошлых идеологических установок: например, авторы книги о зарубежной социолингвистике, вышедшей в 1991 г., считают возможным утверждать, что "ведущим германским социолингвистам присущ диалектико-материалистический взгляд на языковые проблемы".

Особое внимание обращает автор обзора на обилие словарей жаргонной и ненормативной лексики, опубликованных в последнее десятилетие (одну из недавних своих, совместно с Н. Мечковской, статей Х. Яхнов так и назвал: "Время словарей (Zeit der Wörterbücher)" — кстати, эта работа не указана в списке литературы, завершающем обзор советской и русской социолингвистики, хотя ссылка в тексте на нее есть — см. с. 1175). Приводится весьма впечатляющий список словарей, вышедших не

только в московских и петербургских издательствах, но и в других городах России и стран СНГ. Это гипертрофированное внимание к разного рода некодифицированным языковым образованиям и главным образом к их лексике можно объяснить реакцией на прежние запреты, касавшиеся изучения этой лексики.

Социолингвистический по своей сути подход отмечает Х. Яхнов в исследованиях языка города, активизировавшихся с 80-х годов. Внимание исследователей привлекает не только городское просторечие, но и другие разновидности городской речи, а также особенности "городской" речевой коммуникации.

Касаясь "языка Перестройки", Х. Яхнов отмечает работы (А.Н. Баранова, А.Д. Дуличенко, Е.А. Земской, Ю.Н. Караулова и др.), в которых изучаются такие процессы, как новшества в области политического языка (заимствования и новообразования, смена моделей, по которым образуются расхожие метафоры, и т.п.), формирование своеобразного "новояза", характеризующего определенные сферы общения, значительное расширение "языковой свободы", позволяющей говорящему в повседневной речевой практике отходить от официальных канонов, регламентирующих использование разнообразных, в том числе нелитературных, языковых средств, и т.п.

С заголовком последней рубрики весьма информативного обзора Х. Яхнова – "Ein Handbuch der russischen Soziolinguistik als Desiderat" – можно только солидаризироваться: такая книга действительно необходима.

В обширном списке литературы, которым завершается обзор, указаны по существу все основные работы по социолингвистике.

* * *

В заключение хотелось бы поздравить наших немецких коллег с выходом очень ценной и полезной книги. Мы были не в состоянии дать обзор всех ее разделов – не только в силу того что не чувствовали себя достаточно компетентными во всех областях русистики, но и по более содержательной причине: обсуждение всего многообразия новых идей и интересных наблюдений, разбросанных по отдельным главам рецензируемой книги, превратило бы настоящие заметки в нечто несообразное по объему. Мы ограничились тем, что было нам ближе, однако читатель может быть уверен, что

компетентное введение в интересующую его проблематику он найдет и во многих других частях книги. Каковы бы ни были частные недостатки жанра этой публикации, ее несомненные достоинства привлекут к ней благодарного читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Глинкина Л.А. 1979 – К проблеме диахронического изучения разговорной речи. Доклад на конференции "Язык города". Челябинск, 1979 (рукопись).
- Глинкина Л.А. 1986 – К проблеме соотношения замещенных и незамещенных синтаксических позиций в древнерусском синтаксисе // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986.
- Дуличенко А.Д. 1994 – Русский язык конца XX столетия. München, 1994.
- Ермакова О.П. 1984 – Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
- Зализняк А.А. 1992 – Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Le mot, les mots, les bon mots. Word, words, witty words. Hommage à Igor Mel'čuck à l'occasion de son soixantième anniversaire. Montréal, 1992.
- Земская Е.А. 1966 – Понятия производности, оформленности и членимости основ // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.
- Земская Е.А. 1988 – Перспективы изучения славянских разговорных языков // Славянское языкознание. X международный съезд славистов. М., 1988.
- Земская Е.А. 1990 – Русский литературный разговорный язык и городское просторечие: сходства и различия // Problemi di morfosintassi delle lingue slave, 2. Bologna, 1990.
- Земская Е.А. 1991 – Einige Bemerkungen aus der Sicht einer Insiderin // Die Welt der Slaven. Jg. XXXVI, Hf. 1–2. München, 1991.
- Земская Е.А. 1992 – Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Земская Е.А. 1997 – Активные тенденции словопроизводства // Русский язык. Najnowsze dzieje języków słowiańskich/Red. E. Śirjaev. Opole, 1997.

- Костомаров В.Г. 1994 – Языковой вкус эпохи. М., 1994.
- Кравецкий А.Г. 1999 – Литургический язык как предмет этнографии // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- Кронгауз М.А. 1994 – Словообразование и лингвистика // Russian linguistics. 1994. 18.
- Кронгауз М.А. 1999 – Семантические механизмы глагольной префиксации. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1999.
- Кручинина И.Н. 1974 – Об одном способе линейной организации сложного предложения // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Кручинина И.Н. 1976 – Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
- Лантева О.А. 1963 – Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст". М., 1974.
- Мельчук И.А. 1990 – Словообразование в лингвистических моделях типа "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст" (предварительные замечания) // Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Red. Z. Saloni. Białystok, 1990.
- Панов М.В. 1956 – О слове как единице языка // Уч. зап. МГПИ им. Потемкина. Т. LI. М., 1956.
- Панов М.В. 1968 – [Степень вычленимости морфемы из слова может быть различной] // Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
- Панов М.В. 1975 – О переводах на русский язык баллады "Джабберворки" Л. Кэрала // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
- Панов М.В. 1990 – История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- РРР-81 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- РЯ... 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.
- Ярин А.Я. 1986 – Некнижные синтаксические конструкции в бытовых документах второй половины XVIII в. Дипломная работа. МГУ, М., 1986.
- HR 1984 – Handbuch des Russisten / Hrsg. von H. Jachnow. Wiesbaden, 1984.
- Issatschenko A. 1974 – Vorgeschichte und Entstehung der modernen russischen Literatursprache. – Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 37 (1974), Hf. 2.
- Koester-Thoma S., Zemskaja E.A. (Hrsg.) 1995 – Russische Umgangssprache. Berlin, 1995.
- Klenin E. 1993 – The perfect tense in the Laurentian manuscript of 1377 // American contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August–September 1993. Literature. Linguistics. Poetics / Ed. by R.A. Maguire and A. Timberlake. Columbus, 1993.
- Lehfeldt W. 1991 – Zum Stand der Erforschung der nichtstandardsprachlichen Existenzformen des Russischen // Die Welt der Slaven. Jg. XXXVI. Hf. 1–2. München, 1991.
- Marker G. 1990 – Literacy and literacy texts in Muscovy: A reconsideration // Slavic review. 1990. 49. № 1.
- Marker G. 1994 – Faith and secularity in eighteenth-century Russian literacy, 1700–1775 // Christianity and the Eastern Slavs. V. II. Russian culture in modern times / Ed. by R.P. Hughes and I. Paperno; Berkeley; Los Angeles; London, 1994.
- Marti R. 1989 – Handschrift – Text – Textgruppe – Literatur. Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühen Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11. bis 14. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1989.
- Rammelmeyer M. 1988 – Emotion und Wortbildung. Untersuchungen zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in der russischen Sprache // Harder H.-B., Rothe H. (Hrsg.). Festschrift für Alfred Rammelmeyer. Köln; Wien, 1988.
- Räcke J. 1972 – Untersuchungen zur Entwicklung der russischen Nominalkomposition seit 1917. München, 1972.
- Franklin S. 1985 – Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // Speculum 1985. 40.

В.М. Живов, Е.А. Земская, Л.П. Крысин